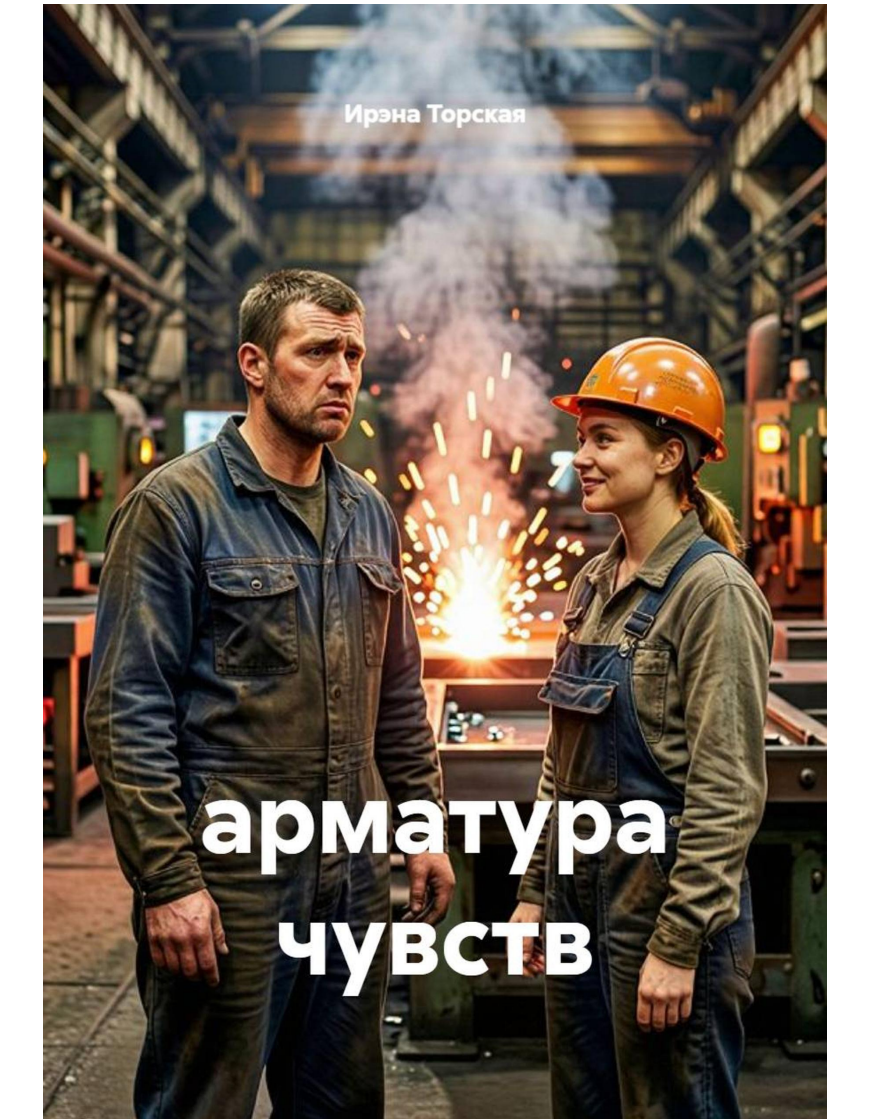

A man and a woman in a steel mill. The man is on the left, wearing a dark blue work jacket, looking towards the woman. The woman is on the right, wearing a blue work jacket, a blue hard hat, and a ponytail, looking back at the man. In the background, there is a bright, glowing furnace with sparks flying out, and the industrial structure of the mill is visible.

Ирэна Торская

арматура чувств

Ирэна Торская арматура чувств

<https://litres.ru/74625354>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он думал, что приехал её уволить. Она — что он не отличает чугун от полипропилена. Они оба ошиблись.

Это корпоративный романс, где вместо роз — сварочные искры, вместо серенад — подкаст матерящегося сталевара, а любовь — это самый рискованный, но прибыльный инвестиционный проект в вашей жизни.

Ирэна Торская

арматура чувств

Арматура чувств

Глава 1. День, когда закончился кофе

Вторник пах грядущим увольнением. Алиса поняла это еще до того, как приложила пропуск к турникету. На восьмом этаже, где располагался ее отдел, стоял густой, осязаемый запах валерьянки, а младшая PR-специалистка Кристина рыдала в женский пиджак, висевший на спинке стула.

— Его уволили, — всхлипнула Кристина, увидев Алису.
— Охрана вывела прямо из переговоров. Сказали, личная встреча с новым руководством.

Алиса не стала спрашивать, кого. Слухи о «варяге» из столицы, которого совет директоров нанял для «оздоровления активов», ползли по офису уже неделю. Варяга звали Максимом.

Через сорок минут их собрали в стеклянном аквариуме конференц-зала.

Он стоял у окна, спиной к ним, и смотрел на серую панораму города. Когда Алиса вошла, он обернулся.

У него было лицо из рекламы швейцарских часов — слишком правильное, слишком гладкое, лишенное московской серости. И глаза человека, который никогда не спотыкался о бюрократию.

— Доброе утро, — его голос оказался глубже, чем она ожидала. — Меня зовут Максим Лавров. С сегодняшнего дня я курирую ваш департамент.

Он говорил легко, улыбаясь уголком рта. Алиса почувствовала, как у нее начинает дергаться глаз.

— Воронцова. Алиса Воронцова, — она села, закинув ногу на ногу. — Мы ждали вас на следующей неделе. У нас горит сдача годового отчета.

— Отчеты подождут, — Максим прошел к доске, взял маркер. Его рукава были подвернуты ровно на три оборота, обнажая крепкие запястья. — Алиса, вы ведь понимаете, зачем меня наняли? Наша компания — это телега, которую тащат десять лошадей в разные стороны. Вы тянете в сторону пиара. Красиво, громко, дорого. Но мы все равно стоим на месте.

— Мы приносим сорок процентов теплой базы, — отчеканила Алиса. — Пока ваши «лошади» из отдела продаж не могут закрыть сделку, даже если клиент сам приносит им деньги.

По конференц-залу прошелестел смешок. Максим не смутился. Он наклонился чуть вперед, опираясь руками о стол. От него пахло дорогим парфюмом и чем-то неуловимо стерильным, как в операционной.

— Именно поэтому, Воронцова, ваш отдел больше не будет самостоятельным. С сегодняшнего дня вы переходите в прямое подчинение. И мы начинаем проект «Чистое небо».

— Что это? — спросила она, хотя уже знала ответ. Это будет что-то бессмысленное, дорогое и с красивым названием.

— Это полная реструктуризация коммуникаций. Мы убираем ваш классический пиар. Никаких статей в глянце, никаких фуршетов для прессы. Мы переводим бренд в диджитал. Полностью.

— Вы собираетесь продавать металлопрокат через рилсы? — уточнила Алиса, и в ее голосе было столько яда, что Кристина вжала голову в плечи.

— Я собираюсь продавать его эффективно, — улыбка Максима стала шире, но глаза остались холодными. — А вы, Алиса, со своей любовью к газетным вырезкам девяностых, в этой схеме — лишнее звено.

Это был удар ниже пояса. Алиса сгребла со стола свой планшет.

— Когда мне писать заявление? — спросила она прямо.

— Не сегодня, — Максим наконец обошел стол и сел в кресло директора. — Заявление вы напишете в конце квартала, если показатели не сдвинутся. А пока...

Он достал из портфеля тонкую пластиковую папку и толкнул ее через стол к Алисе.

— Поздравляю. Вы назначены моим личным куратором. Будете моим гидом по этому серпентарию. Познакомите с людьми, покажете, где у нас тут наливают приличный кофе, а не ту бурду, что стоит на кухне.

Алиса открыла папку. Внутри лежал график ее жизни на

ближайшие две недели. Ее встречи, ее планерки, ее жизнь были перечеркнуты. И поверх них каллиграфическим почерком было выведено: «14:00 – 15:00. Совместный обед. Стратегия. Алиса».

— У меня в два встреча с инвесторами, — процедила она.

— Отмените, — пожал плечами Максим. — Инвесторы подождут. Как и ваш отчет. Теперь вы работаете на меня.

Он подмигнул ей.

В этот момент Алиса Воронцова поняла две вещи.

Во-первых, она ненавидит Максима Лаврова. Всем своим существом, каждой клеткой своего идеально скроенного жакета.

А во-вторых, фильтр-кофе из его кружки, который он только что отпил, пахнет так, что ее внутренний бюджет на капучино с кокосовым молоком под угрозой банкротства. И это почему-то бесило даже сильнее, чем его самодовольная ухмылка.

Глава 2. Рубашка за сорок тысяч и капучино на альтернативном молоке

Алиса вошла в «Гастродвор» на пятнадцать минут позже назначенного времени. Это не было стратегией — просто лифт намертво встал между восьмым и девятым, и ей пришлось пешком подниматься на крышу, чтобы спуститься по пожарной лестнице, перепачкав ладони в ржавчине.

Максим уже сидел за столиком у окна. Разумеется, в самом дорогом месте. Разумеется, он уже сделал заказ — пе-

рядом стояла тарелка с чем-то зеленым, что выглядело как скошенная лужайка, и стакан воды с долькой огурца.

Он поднял глаза от телефона, когда она отодвинула стул.

— Воронцова, — протянул он. — Я уж думал, вы сбежали в закат. Или хотя бы в трудовую инспекцию.

— Лифт, — коротко бросила Алиса, поправляя воротник блузки.

— А, старая добрая офисная классика, — он отложил телефон. — Знаете, в нашем офисе в Сити лифты умные. Они сами распределяют людей по кабинам, чтобы минимизировать время ожидания.

— У нас завод по производству арматуры, — отрезала Алиса, открывая меню. — У нас лифты просто ездят вверх и вниз. Если повезет.

Она сделала заказ подошедшему официанту — двойной эспрессо и салат. Максим наблюдал за ней с плохо скрываемым научным интересом, как энтомолог за редким жуком.

— Итак, — начал он, как только официант отошел. — Давайте к делу. Мне нужен список всех лояльных нам журналистов. И блогеров. Тех, кто пишет о нас хорошо не за деньги, а по старой памяти.

— У нас таких нет, — Алиса размешала сахар в своем кофе, который все же принесла, хотя и чувствовала на себе его осуждающий взгляд. — У нас есть пул изданий, с которыми мы работаем по бартеру и официальным договорам. Все прозрачно, все в CRM.

— CRM — это кладбище идей, Алиса, — он откинулся на спинку стула. — Мне нужны инсайты. Кто из топ-менеджеров конкурентов спит с кем из редакторов? На чем можно надавить?

— Мы не давим, — ее голос стал ледяным. — Мы строим репутацию.

— Репутация не плавит сталь, — парировал Максим. — А нам нужно продать сорок тысяч тонн арматуры до конца года, пока склад не потек.

Алиса положила вилку.

— Если вы пришли сюда учить меня делать черные пи-ар-схемы, которые вы видели в сериалах про девяностые, то вы ошиблись столиком. Я не буду компрометировать наш бренд.

— Никто и не просит, — он вдруг подался вперед, упираясь локтями в стол. Его взгляд изменился — исчезла привычная ленивая насмешка, осталась только жесткая, пугающая сосредоточенность. — Я прошу вас просто делать свою работу. Но делать ее так, как если бы от этого зависела ваша жизнь. Потому что она зависит.

В этот момент подошел официант с его заказом. Максим потянулся за стаканом с водой.

Алиса потянулась за салфеткой.

Это была одна из тех нелепых, растянутых в секунды секунд, когда два человека тянутся к одному предмету. Их руки столкнулись над столом.

— Прошу прощения, — буркнула Алиса, отдергивая руку.

— Ничего, — он улыбнулся, но глаза не улыбались.

Он взял свой стакан. Пластик был скользким от конденсата. В ту же секунду, когда он подносил его к губам, Алиса, пытаясь поймать падающую со стола салфетницу, локтем задела его руку.

Стакан перевернулся.

Ледяная, чертовски холодная вода выплеснулась точнехонько на грудь Максима.

Время замедлилось. Алиса видела, как темное пятно стремительно расползается по его белоснежной рубашке. Как вода впитывается в дорогую ткань, темнея на глазах. Как одна капля медленно скатывается по его шее, на которой предательски дернулся кадык.

— Твою мать, — выдохнул он.

Это было сказано тихо, без всякого столичного лоска. Просто чистая, незамутненная человеческая досада.

— Я сейчас, — Алиса вскочила так резко, что стул с грохотом упал на кафельный пол.

Она бросилась к барной стойке.

— У вас есть соль? Сода? Что угодно, чтобы вывести воду! — выпалила она бармену, который протирал бокалы.

— Девушка, вы в своем уме? — опешил тот.

— Сто рублей хватит? — Алиса уже трясла купюрой перед его носом. — Дайте соль. Быстро!

Она вернулась к столу через двадцать секунд, сжимая в кулаке три пакетика с надписью «Соль поваренная».

Максим сидел, промокая пятно бумажной салфеткой. Его лицо было цвета этой самой салфетки.

— Снимайте рубашку, — скомандовала Алиса, высыпая соль прямо на мокрый хлопок.

— Что, простите? — он поднял на нее ошарашенный взгляд.

— Рубашку снимайте! — рывкнула она так, что пара за соседним столиком обернулась. — Если сейчас не засыпать солью, останется ореол. И вы будете ходить как... как с мишенью на груди. Соль вытянет влагу.

Она сыпала соль горстями, втирая ее в ткань. Ее пальцы касались его груди через мокрую рубашку. Она чувствовала тепло его кожи, быстрый, сбитый ритм его сердца и то, как он напряжен.

Максим сидел неподвижно, вцепившись пальцами в край стола так, что побелели костяшки. Он тяжело дышал.

— Вы всегда так решаете рабочие вопросы? — хрипло спросил он. — Путем раздевания оппонента?

— Вы не оппонент, — отрезала Алиса, не поднимая глаз. — Вы — стихийное бедствие. Которое пролило на себя воду. И да, у вас на рубашке бирка торчит.

Она дернула за кусочек картона.

«100% хлопок. Сухая чистка. Цена по запросу».

Алиса сглотнула. Она знала этот бренд. Знала примерный

порядок цен. На эту рубашку ушла бы вся ее премия за квартал.

— Соль нужно стряхнуть через пять минут, — сказала она севшим голосом, вытирая испачканные в специях руки о свои джинсы. — И не вздумайте тереть. Только промакивать.

Она схватила свою сумку.

— Куда вы? — его голос прозвучал глухо.

— На работу. У меня отмененная встреча с инвесторами, — она уже отходила от стола. — И вам, Максим, стоило бы купить кофе в автомате на нашем этаже. Тот, что в воронке, делает вас слишком... расслабленным.

Она почти бежала к выходу из «Гастродвора», чувствуя, как горят щеки.

Алиса Воронцова только что втирала соль в грудь своего нового босса. И, что самое ужасное, когда она смотрела на то, как поднимается и опускается его грудная клетка, ненависть сделала странный, совершенно непредусмотренный техникой безопасности кульбит.

Глава 6. Война за розетку и запах озона

Утро началось не с кофе. Оно началось с тихого, вибрирующего рычания, от которого дрожал пол офиса.

Алиса вышла из лифта ровно в 08:45. В 08:46 она поняла, что ее отдел оккупировали.

Вокруг ее стеклянной «кабины» стояли черные кофры. На полу змеились толстые черные кабели толщиной с запястье. Двое парней в черных футболках с логотипом «Sony» мол-

ча и методично разматывали провода, а третий — судя по всему, звукорежиссер — сидел прямо на ее рабочем столе и елозил мышкой, открывая уровни громкости.

— Доброе утро, — голос Алисы мог бы заморозить лаву.

Парень с мышкой вздрогнул и обернулся. У него были красные глаза и бейдж «Василий, Звук». — О, вы, наверное, Алиса? — он попытался улыбнуться, но улыбка увяла под ее взглядом. — Максим Андреевич сказал, что мы можем занять ваш кабинет на пару часов. Для записи пилотного выпуска.

— Максим Андреевич сказал? — Алиса медленно подошла к своему креслу. В кресле, на ее бежевой подушке из тонкой шерсти, лежал массивный профессиональный микрофон в поролоновом чехле. «Паук».

Она взяла микрофон двумя пальцами, словно дохлую крысу. — Василий. Звук, — прочитала она на его бейдже. — Скажи мне, Василий, у Максима Андреевича есть привычка сначала отрезать людям головы, а потом спрашивать разрешения на стрижку?

— Э-э... — Василий сглотнул. — Он сказал, что вы в курсе концепции. ASMR. Нужна полная тишина. В офис проникает шум кофемашины, а в переговорных эхо. У вас тут самая звукоизолированная точка. И... — он кивнул на ее стол, — единственная розетка, которая выдержит наш пульт.

Алиса молча положила микрофон на стол. Повернулась. Прошла сквозь ряды своих сотрудников. Кристина вжалась

в кресло и сделала вид, что умерла.

Алиса достала из сумки ключи. Подошла к двери своего кабинета.

— Василий, — сказала она, не оборачиваясь. — Вытащи мышку.

Звукорежиссер замер с рукой на столе. — Но пульт... — Пульт поставишь на пол, — отрезала она, вставляя ключ в замок. — Это мой стол. Мышка — моя. Если ты еще раз тронешь мои настройки яркости, я запишу ASMR того, как тебя опускают в доменную печь.

Она захлопнула дверь изнутри.

Внутри было тесно. Кофры заняли все пространство, оставив ей лишь узкую тропинку к столу. Пахло нагретым пластиком от софитов, которые они уже начали расставлять.

Алиса села. Открыла ноутбук.

08:52.

Она открыла почту. От Максима. Время отправки: 08:47. Тема: *«Re: Пилот. Не убивай звукорежиссера»*. Текст: *«Воронцова, я знаю, что ты меня проклинаешь. Прости. Это лучший звук в здании. Обещаю, к обеду их не будет. И купи Кристине эклеры. М.»*

Алиса закрыла глаза. Досчитала до десяти.

В 08:55 дверь кабинета приоткрылась. В щель просунулась голова Максима.

Выглядел он так, будто не спал всю ночь. Под глазами залегли тени, воротник свежей рубашки был расстегнут, а гал-

стук он, видимо, просто забыл.

— Я стучал, — соврал он, входя и прикрывая за собой дверь. — Ты не слышала из-за кабелей.

— Я слышала, как Василий дышит, — Алиса не повернула головы от экрана. — Убирай их. Сейчас.

— Еще полчаса, — он поднял руки в примирительном жесте. — Они пишут вступление. Петрович уже там.

— Петрович? — Алиса наконец посмотрела на него. — Ты притащил Петровича в восемь утра в центр города? — Я притащил Петровича к 08:30, — уточнил Максим. — Он приехал на своей «Ниве». Сказал, что метро — это для людей без хребта. Припарковал ее на тротуаре у входа, потому что «здесь брусчатка, подвеска спасибо скажет». Охрана в панике.

Алиса закрыла лицо руками. — Лавров, ты псих. — Я стратег, — он обошел стол и прислонился к нему бедром, опасно близко к ее коленям. — Слушай. Я знаю, что мы начали плохо. Кофе, соль, испорченная рубашка...

— Не напоминай, — глухо сказала она из-под ладоней. — У меня посттравматический синдром на поваренную соль.

— ...но сейчас все по-настоящему, — его голос стал серьезным. — Я послушал, как он говорит в микрофон. Воронцова, этот мужик — золото. У него голос, как сталь. Он рассказывает, как отличить качественную сталь от перекаленной, просто по звуку удара молотком.

Алиса медленно отняла руки от лица. — И что? — А то,

что наш первый выпуск будет называться «Как я сжег миллион, потому что купил дешевое железо», — Максим наклонился ниже. — Мы не будем продавать. Мы будем учить. И люди сами придут и попросят продать им наше железо.

Он смотрел на нее. Вблизи, без света софитов, он выглядел иначе. Уставшим, но одержимым. И эта одержимость была ей знакома — она видела ее в зеркале каждое утро.

— Ты хоть спал? — спросила она тише. — Два часа, — он провел рукой по лицу. — В машине. Пока Петрович рассказывал водителю, как правильно менять масло.

В дверь громко постучали. — Алиса Викторовна! — крикнул Василий. — У нас фонит! Кажется, у вас на столе телефон ловит сеть!

Алиса и Максим одновременно посмотрели на ее рабочий стол. На нем лежал ее iPhone.

— Это мой, — сказала Алиса. — Я понял, — кивнул Максим. — Он мешает их магии, — она вздохнула. — Лавров, если ты не выгонишь их через полчаса, я возьму огнетушитель.

— Пятнадцать минут, — он поднял ладони. — Дай мне пятнадцать минут. Я загоню их в переговорку. И... — он замялся, что было для него совершенно не свойственно. — На счет рубашки. Я оставил химчистку в приемной. Сдачи не надо.

Он развернулся, чтобы уйти, но задел провод. Тот натянулся, и софит, стоявший на кофре, опасно накренился.

Максим рефлекторно дернулся, чтобы его поймать, и в падении схватился за край стола. Стол поехал по гладкому полу. Кабель выдернулся из пилот-удлинителя.

В кабинете на секунду погас свет. Раздался оглушительный грохот — это упал софит. И следом — звук бьющегося стекла.

— Твою мать, — выдохнул Максим в абсолютной темноте.

Алиса сидела неподвижно, слушая, как в коридоре Василий орет про «срыв таймингов», а где-то вдалеке возмущенно лает чихуахуа кого-то из бухгалтерии.

— Ты жив? — спросила она в темноту. — Кажется, — голос Максима прозвучал прямо над ней. Он стоял, упираясь руками в стол по обе стороны от ее кресла. — Я... немного застрял.

Алиса подняла глаза. В темноте, разбавляемой только тусклым светом из офиса, его лицо было совсем близко. Она чувствовала запах его парфюма, перегоревшего провода и... того самого кофе из воронки.

— Ты тяжелый, — констатировала она. — Это все мое эго, — он попытался пошевелиться, но только плотнее вжал ее в спинку кресла. — И стальные нервы. Которые сейчас коротнуло.

— Стальные нервы плавятся при температуре выше тысячи градусов, — машинально ответила она. — Как арматура. Он тихо рассмеялся. От вибрации его смеха по ее позво-

ночнику пробежали мурашки.

— Воронцова, — сказал он совсем тихо. — Если мы сейчас не выберемся, Василий решит, что мы записываем ASMR для очень специфических сайтов.

— Он решит, что мы записываем падение акций, — она уперлась ладонями ему в грудь, чтобы оттолкнуть.

И в этот момент в дверь влетел Василий с фонариком от телефона. — Алиса Викторовна! У нас авария! Мы разбили ваш...

Луч света выхватил из темноты картину: Максима, нависающего над Алисой, их лица в нескольких сантиметрах друг от друга, его руки, упирающиеся в стол по бокам от нее.

Василий замер. — Я... я зайду позже, — пискнул он и аккуратно прикрыл дверь снаружи.

Максим медленно выдохнул. — Ну вот, — сказал он, все еще не отстраняясь. — Теперь по офису точно пойдут слухи.

— Плевать, — Алиса наконец нашла в себе силы упереться сильнее. — Лавров. Слезь с меня. У меня в 09:00 звонок с поставщиком.

Он нехотя отстранился, поправляя воротник. В темноте его глаза блестели. — Десять минут, — повторил он. — В переговорке. Приходи. Послушай черновик.

Когда за ним закрылась дверь, Алиса еще несколько секунд сидела в темноте, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Она посмотрела на свои ладони. Они дрожали.

— Чертов эклер, — пробормотала она, включая фонарик на телефоне, чтобы найти упавший стул. — Это все из-за сахара.

Глава 7. Черновой монтаж и тактический проигрыш

Переговорная номер три, которую Максим беззастенчиво реквизировал под студию, выглядела как логово звукорежиссера-маньяка. Половину стола занимал пульт с сотней мигающих лампочек, на полу стояли микрофонные стойки, а воздух был густым от запаха перегретой аппаратуры и дешевого растворимого кофе.

Петрович сидел в кресле во главе стола. Он был в своей рабочей куртке поверх парадной фланелевой рубашки, и от него пахло машинным маслом и чем-то неуловимо честным, как от старого гаража. Увидев Алису, он степенно кивнул: — Садись, дочка. Сейчас самое вкусное покажу.

Максим сидел на корточках у системного блока, подключая жесткий диск. Он поднял на нее глаза, и на секунду в них промелькнуло то самое напряжение из темного кабинета. Он быстро отвел взгляд, щелкнув флешкой.

— Мы нарезали черновик, — сказал он, и его голос снова стал профессионально-ровным. — Василий, покажи.

На огромном экране во всю стену поплыл дым. Черно-белый, густой, он медленно вытекал из доменной печи. Без музыки. Только низкий, утробный гул вентиляции и ритмичный, почти гипнотический лязг механизмов.

А потом вступил голос.

«...И вот смотри, — говорил Петрович, и его бас заставлял вибрировать динамики. — Видишь, как летит искра? Мелкая, белая. Это марганец горит. Хорошая плавка. А бывает, летит желтая, тяжелая. Это сера. Значит, металл — дерьмо. Из такого только оградки на кладбище варить, и то через год завалятся».

Алиса замерла. Она забыла, как дышать.

Это было не просто интервью. Это была поэзия. Мрачный, индустриальный рэп человека, который знает цену каждому грамму углерода. Камера наезжала на его руки — узловатые, в старых ожогах, — которые спокойно, как дирижерскую палочку, держали тяжелую кочергу.

— Дайте титр, — хрипло сказала она. — Имя, должность. И внизу мелким шрифтом: «Общий стаж — 42 года».

— Уже есть, — Максим щелкнул мышкой. На экране появилась надпись.

Алиса смотрела на экран, но периферийным зрением чувствовала его. Максим сидел на полу, обхватив колени руками, и смотрел на Петровича с таким детским, неприкрытым восторгом, что ее собственное, годами отточенное ехидство дало трещину. Он был похож не на вице-президента, а на мальчишку, который впервые попал в кабину настоящего паровоза.

Запись закончилась. В наступившей тишине было слышно только, как гудит кондиционер.

— Это порвет их, — наконец выдохнул Василий, вытирая пот со лба. — Это просто порвет.

— Это порвет план по продажам, — поправила Алиса. Она откашлялась, возвращая голосу привычную сталь. — Лавров, текст для Telegram-канала. Мне на вычитку до обеда. Петрович, спасибо. Вы свободны, я вызову вам машину.

— Я на «Ниве», — пробасил Петрович, тяжело поднимаясь. — Сам доеду. Хорошая у вас тут... акустика.

Когда за звукорежиссерами и сталеваром закрылась дверь, в переговорной повисла тишина.

Алиса подошла к окну. На город снова напал смог.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — спросила она, не оборачиваясь. — Ты отдал голос нашего завода человеку, который говорит «дерьмо» в официальном промо.

— Я отдал голос завода человеку, которому верят, — Максим подошел и встал рядом. Теперь их отражения были в стекле. Он — в мятой рубашке, взъерошенный. Она — в идеальном костюме, с прямой спиной. — Алиса, за последние пять лет этот завод нанял три агентства. Они присылали нам ролики, где модели в касках эротично поливали водой раскаленную заготовку. Это было красиво. Это стоило миллионы. Это никто не смотрел.

— А это посмотрят? — Это добавляют в избранное, — он повернулся к ней. — Потому что это настоящее.

Он был слишком близко. Ближе, чем позволяли правила офисного этикета. Ближе, чем позволяла ее собственная, из-

мученная бессонницей и стрессом нервная система. От него пахло кофе и победой.

— Лавров, — ее голос прозвучал тише, чем она хотела. — У нас две недели. Две недели до отчета перед советом. Если этот... ASMR с матом не принесет лидов, нас не просто уволят. Нас распнут на арматуре перед входом.

— Принесет, — уверенно сказал он.

— А если нет? — она наконец повернула голову и посмотрела ему в глаза. — Что тогда? Вернешься в свою Москву? К своим винирам и эспрессо-тоникам?

В его взгляде что-то дрогнуло. Уверенность дала микроскопическую трещину.

— Мне некуда возвращаться, — сказал он тихо. — В Москве я проиграл. Приехал сюда, чтобы выиграть. Это мой последний шанс, Воронцова.

Это было сказано без пафоса. Просто как факт. И эта уязвимость ударила Алису под дых сильнее, чем любая корпоративная война. Она привыкла сражаться с акулами. А перед ней сейчас стоял человек, который, кажется, просто очень боялся утонуть.

Ее телефон на столе взорвался трелью. На экране высветилось: «Мама».

— Черт, — она схватила трубку. — Да, мам! Все хорошо... Нет, я не забыла... Какая еще «бывшая свекровь»? Мама, я на работе, я не могу...

Она отвернулась от Максима, отгораживаясь плечом.

Алиса говорила что-то про такси для свекрови, про таблетки от давления и про то, что «никаких пирожков, у меня гастрит», а Максим стоял у окна и смотрел на ее напряженную спину.

Он видел не «железную леди пиара». Он видел женщину, которая одной рукой спасает тонущий завод, а другой — удерживает на плаву чью-то чужую, капризную жизнь.

Когда она закончила разговор, ее плечи были опущены. Идеальная осанка дала сбой.

— Извини, — буркнула она, убирая телефон. — Семейный подряд по выносу мозга.

— У тебя на воротнике нитка, — неожиданно сказал Максим. — Сзади.

Он шагнул к ней. Алиса инстинктивно напряглась, ожидая подвоха.

— Стой, — начала она.

Но он уже был за ее спиной.

Его пальцы коснулись ворота ее жакета. Горячие. Он аккуратно, двумя пальцами подцепил белую нитку и потянул. Раздался тихий щелчок — нитка оторвалась.

— Готово, — сказал он ей почти в макушку.

Алиса стояла неподвижно, боясь выдохнуть. Его руки все еще были в сантиметрах от ее плеч.

— Спасибо, — голос прозвучал сипло.

— Не за что, — он отступил на шаг, возвращая между ними безопасную дистанцию. — Так что, Воронцова? Мы в

одной лодке?

Она поправила воротник, словно он все еще был там.

— Мы в одной лодке, — кивнула она. — Но если ты еще раз назовешь мою CRM «кладбищем идей», я сделаю так, что твоя «Нива» Петровича окажется единственным, что будет приносить лиды. И будешь ты продавать ее через рилсы.

Уголок его рта дернулся вверх. — Договорились.

Он пошел к выходу, но у самой двери обернулся. — И, Алиса... — Что? — Купи себе нормальный удлинитель. Тот, что в кабинете, дымился.

Когда за ним закрылась дверь, Алиса подошла к столу и бессильно рухнула в кресло. Она посмотрела на свои руки. Они все еще слегка дрожали.

Она ненавидела его. Она ненавидела его голос, его самоуверенность, его «Паркер» и его способность появляться за спиной именно тогда, когда она позволяла себе стать слабой.

Но больше всего она ненавидела то, как отчаянно ей хотелось, чтобы он подошел и снял еще одну нитку.

Глава 8. Синий маркер и законы физики

К среде офис разделился на два враждующих лагеря.

Первый — «Сектор А» — состоял из отдела продаж. Они сидели в дальнем углу, пили остывший кофе и смотрели на стеклянный куб Алисы, как партизаны на комендатуру. Продажи стояли. Старые скрипты про «уникальные прочностные характеристики» больше не работали, а новые — «почувствуй вибрацию доменной печи» — приводили клиентов

в ужас. Начальник отдела, пожилой Борисыч, уже дважды приходил к Алисе с распечаткой графиков падения, которые напоминали траекторию падения кирпича.

Второй лагерь — «Штаб» — оккупировал переговорную номер три. Здесь царил Максим. Он окончательно перестал носить галстуки, закатал рукава рубашки по локоть и передвигался по офису с кружкой, от которой пахло не кофе, а какими-то травами. Он похудел, загорел нездоровой бледностью человека, живущего под светом софитов, и говорил фразами вроде «нам нужен виральный крючок на пятой минуте».

Алиса стала его переводчиком.

— Он хочет, чтобы вы перестали называть арматуру «изделием А500С», — говорила она Борисычу. — Он хочет, чтобы вы называли ее «скелет нашего города». — Алиса Викторовна, — Борисыч снимал очки и устало тер переносицу, — если я скажу это прорабу со стройки в Бирюлево, он попросит у меня закурить и даст в глаз. Это не менеджеры, это волки. Им нужен прайс и отсрочка платежа, а не скелеты.

Алиса вздыхала. Она понимала Борисыча. Но она понимала и Максима. Проблема была в том, что Максим пытался заставить волков танцевать балет.

В четверг в 18:30 она совершила стратегическую ошибку. Она согласилась зайти в «Штаб» на «пять минут, просто посмотреть черновик монтажа».

В переговорной пахло пищей «Четыре сыра» и отчаяни-

ем. На экране Петрович задумчиво ковырял в носу, пока Максим на пульте судорожно резал звук. — Нет, нет, — бормотал Максим, — этот вдох мы вырезаем. Он звучит слишком... человечно. Нам нужен титан, а не астматик. — Оставь вдох, — Алиса села в кресло, машинально подтягивая к себе блокнот. — Это дает паузу. Драма в тишине.

Максим замер с рукой на фейдере. Посмотрел на нее. — Ты только что спасла нам три секунды хронометража. Поздравляю, ты официально соучастник.

Следующие два часа стерлись из памяти Алисы, превратившись в сплошной поток звуковых волн, графиков и споров. Она забыла про ужин. Забыла, что обещала маме перезвонить. Забыла, что они с Максимом по разные стороны баррикад.

Они работали. Это было похоже на секс, только вместо тел двигались идеи, и в воздухе искрило от столкновения их эго. Она бросала ему цифры охвата, он отвечал ей законами драматургии. Она строила логику, он рушил ее ради эмоций.

В какой-то момент он потянулся через весь стол за кружкой с травяным чаем. Его рубашка задралась, обнажая полоску кожи над ремнем. Алиса машинально отметила про себя, что у него там, вопреки ожиданиям, нет кубиков пресса из рекламы протеина. Там была просто сильная, живая мужская спина.

Она резко отвела взгляд в блокнот.

— Так, стоп, — Максим выключил монитор. — Время.

Мне нужно в аэропорт.

Алиса моргнула, выныривая из транса. На часах было 21:15. — Какой аэропорт? У нас горит дедлайн по Telegram-каналу. — У меня горит рейс в Екатеринбург, — он встал, потягиваясь, и громко хрустнул позвонками. — Совет директоров. Очередная «синергия». Буду в пятницу к ночи.

— Ты оставляешь меня с этим? — она кивнула на экран, где застыло лицо Петровича. — С Борисычем, который хочет меня убить? С мамой, которая хочет меня женить?

— Воронцова, — он подошел к флипчарту, на котором была нарисована какая-то безумная схема из стрелочек. — Ты справишься. У тебя стальной хребет.

Он взял синий маркер. Подошел к ней, пока она сидела в кресле. — Держи, — он протянул ей маркер. — Это эстафетная палочка. Не урони.

Их пальцы соприкоснулись. В этот раз Алиса не отдернула руку. Она взяла маркер, чувствуя, как от его кожи исходит жар.

— Если Петрович в кадре скажет слово «хрень», я уволю тебя из твоей же жизни, — сказала она, глядя на него снизу вверх. — Договорились, — он улыбнулся уголком губ. — Закрой за мной. И... — он замялся. — Закажи Борисычу пиццу. От моего имени. Пусть волки едят.

Когда за ним закрылась дверь, в переговорной стало оглушительно тихо. Синий маркер в руке Алисы казался невероятно тяжелым.

Пятница. 14:00.

Алиса сидела в своем стеклянном кубе. Вокруг бушевал хаос. Василий прислал финальный рендер видео — на это было больно и прекрасно смотреть. Борисыч, наевшись пиццы, неожиданно выдал гениальный скрипт для продаж, основанный на фразе Петровича «сэкономить на железе — сэкономить на похоронах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.